

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ХИРОАКИ САТО

Самураи
Подлинные истории
и легенды

Хироаки Сато
Самураи. Подлинные
истории и легенды
Серия «Библиотека военной
и исторической литературы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3026665

Х. Сато. Самураи. Подлинные истории и легенды: ООО «Издательство

АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112470-0

Аннотация

В книге Хироаки Сато «Самураи. Подлинные истории и легенды» органично сплетаются в единое целое разные источники: мифы и исторические хроники, произведения самих самураев и художественные произведения, проза и поэзия. Все вместе они создают яркую и многоплановую картину жизни самураев, исполненной великих подвигов и свершений, верности традициям и заветам предков.

Содержание

Вступление	5
Часть I. Доблесть самурая	40
Ямато Такэру: Проигравший – Герой	40
Ёродзу: «Я хотел показать свою храбрость»	53
Отомо-но Якамоти: Умереть за нашего господина	57
Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми: Поединок	63
Минамото-но Мицунака: Обращение воина	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Хироаки Сато

Самураи. Подлинные истории и легенды

Hiroaki Sato

Legends of the Samurai

© Hiroaki Sato, 1995

© Котенко Р. В., перевод, 1998

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Вступление

Самурай в широкополой шляпе идет по пустынному полю. Вдруг из зарослей травы выскакивают десять разбойников с обнаженными мечами. Они окружают его и требуют немедленно отдать им оружие и деньги. Самурай выказывает покорность и начинает снимать *хаори*, верхнее платье. Разбойники теряют бдительность. И тут он вдруг выхватывает свой меч и с молниеносной быстротой расправляется с несколькими из них. Оставшиеся в живых убегают, моля о пощаде. Самурай достает кусочек ткани, вытирает меч и кладет его обратно в ножны. Затем, как ни в чем не бывало, он продолжает свой путь.

Знаменитый фехтовальщик наносит визит даймё. Оказавшийся там же *ронин*, самурай, лишившийся господина, уверен в своем мастерстве. Узнав о посетителе, он просит его «преподать» ему несколько уроков. Это означает серьезный поединок. Мастер меча отказывается, но даймё проявляет интерес и уговаривает его. В конце концов, он соглашается на поединок на деревянных мечах. Два воина выходят в сад и становятся лицом друг к другу. Через мгновение они ударяют друг друга мечами.

«Вы довольны?» – спрашивает мастер меча.

«Ничья», – говорит ронин, явно довольный таким результатом поединка с великим фехтовальщиком.

Но мастер спокойно говорит: «Нет, я победил».

Смущенный и разгневанный, ронин просит о реванше. Мастер соглашается, но происходит то же самое: оба ударяют одновременно.

Ронин вновь говорит, что итог поединка – ничья, а фехтовальщик утверждает, что победил именно он.

Ронин выходит из себя. Даймё же, наполовину не веря словам мастера, не отрываясь следит за тем, что будет дальше. Ронин настаивает еще на одной схватке – на этот раз на настоящих, стальных мечах. Фехтовальщик отказывается, но даймё снова уговаривает его. Но как только воины встают лицом друг к другу, поединок заканчивается: ронин падает, его голова рассечена надвое. Фехтовальщик идет к даймё и показывает свое плечо. Лишь верхнее платье слегка разрезано. Нижняя же одежда в целости.

Наверное, читатель именно так представляет себе самураю: безжалостная машина-убийца, владеющая невероятной техникой меча. Впрочем, и в нынешней Японии подобных самурайских историй множество. Мы привели лишь две из них в самом начале с двоякой целью.

Во-первых, предназначение данной книги, «Самураи. Подлинные истории и легенды», – показать с различных углов зрения облик японского воина, поэтому она представляет собой не просто собрание историй, повествующих о боевом искусстве самураев. Последние занимают лишь меньшую часть книги и включены, в основном, в первый ее раз-

дел.

Во-вторых, мы пытались отдавать предпочтение не современным пересказам, а тем версиям, которые приближены по времени создания к реальным событиям. Тем не менее трудности остаются. Даже если бы мы совсем не говорили об одном из мифических героев, Ямато Такэру, временной промежуток все-таки остается очень большим. Например, говоря о Ёродзу, будущем «защитнике императора», составители «Нихон сёки» («История Японии») описывали в 720 г. событие 140-летней давности. К тому же в любую эпоху люди склонны превращать человека или его деяния в легенду, либо следуя обычаям повествования, либо будучи не в силах отказаться от желания пофантазировать. Нередко это скрывает то, что происходило на самом деле и что думали о данном событии современники.

Два приведенных выше рассказа, об одном и том же человеке – мастере меча Ягю Дзюбэ Мицуёси (1607–1650), полностью подтверждают нашу точку зрения. Слава Мицуёси как отчаянного рубаки способствовала тому, что уже вскоре после его смерти о нем стали ходить будоражащие воображение легенды, в которых вымысла нередко было намного больше, чем правды. Современный писатель Кайондзи Тёгоро, включив второй эпизод в свой очерк «Хэйхося» («Мастера военного искусства»), приводит весьма интересное замечание. Он говорит, что в период Токугава (1603–1868) воин мог убить человека только в четырех случаях:

преступника или опасного человека по приказу своего господина или сёгуна; из мести; во время ссоры; или же если он встречался с грабителем или разбойником, покушавшимся на его жизнь. Хороший фехтовальщик должен был тщательно избегать любых споров, которые могли закончиться схваткой. Среди грабителей и разбойников едва ли встречались искусные воины, поэтому, случись настоящему мастеру столкнуться с ними, он бы одолел их и не убивая. Что касается мести, то этому чувству поддавалось не так уж много великих воинов. Наконец, конкретные приказы убить такого-то отдавались властями лишь в начале периода Токугава. Поэтому, заключает Кайондзи, многие знаменитые фехтовальщики за свою жизнь не убили ни одного человека.

Поклон перед мечом

Мы начали предисловие рассказами о фехтовальщиках, но фехтовальщик и самурай – не синонимичные понятия. Конечно, меч оставался для последнего главным оружием. Однако вплоть до XIV–XV вв., когда в битвах всадников стала сменять пехота и искусство фехтования оказалось особенно востребованным, первым оружием самурая был лук со стрелами. В одном из эпизодов «Хэйкэ моногатари» («Сказание о Хэйкэ»), самом известном японском военном повествовании, окончательно оформившимся в XIV в., рассказывается, как в 1185 г., во время сражения на берегу у Яси-

ма, главнокомандующий Минамото-но Куро Ёсицунэ (1159–1189) уронил в воду свой лук и бился, чтобы вернуть его, хотя воины противника с лодок пытались выбить командующего из седла, а свои воины умоляли забыть об оружии. Когда, наконец, он смог достать свой лук и вернулся на берег, старые ветераны открыто сказали:

«Это было ужасно, господин. Ваш лук может стоять тысячу, десять тысяч золотых, но разве он стоит того, чтобы подвергать риску вашу жизнь?»

Ёсицунэ ответил:

«Дело не в том, что я не хотел расставаться со своим луком. Если бы у меня был лук, подобный луку моего дяди Тамэтомо, который могли натянуть только два, а то и три человека, я, быть может, даже намеренно оставил бы его врагу. Но мой лук плохой. Если бы враги завладели им, они бы смеялись надо мной: “Посмотрите, и это лук полководца Минамото Куро Ёсицунэ!” Я не хотел бы этого. Поэтому я рисковал жизнью, чтобы вернуть его».

В «Хогэн моногатари» («Сказание об эпохе Хогэн»), где описываются военные действия 1156 г., о Тамэтомо (1139–1170), дяде Ёсицунэ, говорится как о лучнике столь сильном, что, после того как его взяли в плен, ему выбили долотом руки из плечевых суставов, чтобы он больше не мог выстрелить из лука. Звание «лучника» (*юмитори*) оставалось почетным титулом для отличившегося самурая еще долго после того, как на смену луку пришел меч. Так, например, во-

еначальника Имагава Ёсимото (1519–1560) называли «Первым лучником Восточного моря».

Самураи: истоки

Слово *самурай* происходит от глагола *сабурау* – «охранять, служить», и первоначально имело значение «личный слуга». Остается неясным, когда смысл его сузился до понятия «вооруженный слуга», в то время – определенный тип воина. Тем не менее этот изначальный смысл слова определил путь самурая и в дальнейшем: даже когда в XII в. *de facto* он стал правителем Японии, *de jure* он подчинялся высшему гражданскому лицу – императору. Высший пост, которого он мог достичь, – *сэй-и тай-сёгун*, «главнокомандующий, подчиняющий варваров», или просто *сёгун*, – на деле означал не более чем помощник императора по военным делам в случае особой необходимости.

Воины в Японии, как и в большинстве стран, существовали с незапамятных времен. Но появление того типа воина, которому суждено будет создать правительство, независимое от императорского двора, приписывается VII–VIII вв., когда были предприняты попытки создать центральные органы управления и заимствована государственная система танского Китая.

Одно из восьми учрежденных ведомств называлось *Хё-бусё*, «Ведомство военных дел». По китайскому же образ-

цу были сформированы и многочисленные местные военные подразделения. Однако, в отличие от Китая, в Японии, значительно меньшей по площади и располагающейся на островах, существовало лишь несколько военных соединений, представлявших потенциальную угрозу центральным властям. В то же время, на каждого, призванного на службу, налагалось тяжелое бремя. Воин не имел права заниматься во время службы какой-либо иной деятельностью. Набор военного снаряжения, утвержденный законом, перечень которого представлял собой огромный список, каждый должен был приобретать и содержать на свои средства. «Один человек взят, один дом разорен», – говорили в те времена.

Со временем количество военных постов и занимавших их воинов сократилось, и свободным от службы людям разрешили вернуться к сельскому хозяйству. На их место были набраны люди из достаточно состоятельных семей, умевшие и править лошадью, и стрелять из лука. Власти выдали каждому провизию и по два пехотинца в сопровождение. От них требовалось лишь неустанно совершенствовать свое мастерство. Хотя впоследствии происходили и другие изменения, именно эти благородные воины считаются непосредственными предшественниками самураев.

К X в. некоторые из этих воинов сформировали почти автономные местные соединения. Кое-кто пользовался дурной славой преступника, как, например, Тайра-но Масакадо (ум. 940), дошедший до того, что объявил себя императором.

Другие, такие как Минамото-но Мицунака (913–997), чье обращение в буддизм описывается не без иронии во многих источниках, создали свои сферы влияния и накопили богатства, но при этом не теряли тесных связей с центральными властями и часто служили губернаторами провинций. В любом случае, в целом они были ориентированы на единство страны. Говорят, что Масакадо выступил против императорского двора и создал свой собственный, ибо желал укрепить свое положение в правительстве, но не смог получить желанный пост в императорской гвардии. Он был убит посланниками двора.

Как и можно было ожидать, внутри каждой группы развивались тесные взаимоотношения «господин – слуга». Важнейшим фактором, способствовавшим этому, стала необходимость защиты земель. Особую роль тут сыграли Первая Девятилетняя война (1051–1062) и Вторая Трехлетняя война (1083–1087) за подчинение могущественных северных кланов Муцу и Дэва. Именно во время этих войн клан Минамото (в китайском прочтении: Гэндзи) укрепил свои силы и стал ведущим в восточной области, Канто. Сходными, хотя и менее заметными путями, клан Тайра (в китайском прочтении: Хэйдзи или Хэйкэ) захватил ведущую роль в западной области, Сайгоку или Сайкай. Оба клана происходили от императорского дома.

Восхождение самураев

Как уже отмечалось, статус самураев изменился во второй половине XII в. Это произошло в два этапа.

В 1156 и 1159 гг. в Киото, резиденции правительства, произошли короткие вооруженные столкновения, явившиеся непосредственным результатом борьбы за власть внутри императорского дома. В них участвовали и воины Тайра и Минамото, и члены обоих кланов, запутавшиеся в бесчисленных интригах. В конце концов победу одержал ведомый Киёмори (1118–1181) клан Тайра. Соперничающий клан Минамото был побежден.

Но не военный итог конфликта стал главным. В 1160 г., год спустя после второго столкновения, Киёмори был назначен *санги*, «императорским советником» в Большой Государственный Совет. Воин впервые удостоился такой чести.

Этот факт имел историческое значение: допуск воина в высшие круги власти положил конец статусу самурая как наемника придворных аристократов, или, по оригинальному выражению Карла Фрайдея, «нанятому мечу». Киёмори пошел дальше: в 1167 г. он стал главным министром и сосредоточил в своих руках огромную власть.

Второй этап изменения статуса самурая стал следствием еще одной военной борьбы, вновь между кланами Минамото и Тайра, но на этот раз долгой и в масштабе всей страны.

В 1180 г. клан Минамото, возглавляемый Ёритомо (1147–1199), находившимся в ссылке в Камакура, поднял армию против Тайра и нанес ему поражение в 1185 г. Но Ёритомо поступил иначе, чем Киёмори. Если последний собрал в своих руках все нити власти в центре, то первый, напротив, в целом оставался в стороне от императорских дел. Лишь в 1190 г., спустя пять лет после победы, он прибыл в Киото на аудиенцию к императору Готоба (1180–1239) и удалившемуся от дел императору Госиракава (1127–1192). Он был назначен *гондайнагоном*, «действующим главным советником», и *тайсё*, «командующим» Левого крыла стражи Внутреннего дворца. Но уже в следующем месяце он отказался от обоих постов. В 1192 г. он был назначен сёгуном, но два года спустя подал в отставку. Очевидно, что его больше интересовало создание своего собственного правительства.

Созданный им орган управления позднее получил название Камакура Бакуфу (бакуфу – изначально ставка главнокомандующего на войне). Таким образом, вплоть до Реставрации императорской власти в 1868 г., именно это «правительство внутри правительства» представляло собой реальную власть, а двор в Киото оставался лишь «источником почестей и местом свершения государственных церемоний и ритуалов».

Эпоха «Сражающихся царств»

Камакура Бакуфу просуществовало до 1333 г., когда император Годайго (1288–1339), встав на защиту абсолютной императорской власти, временно взял верх. Более чем за сто лет до него, в 1220 г., император Готоба попытался сделать то же самое и поднял против Камакура армию, но его войска были разбиты, а сам он – отправлен в ссылку. Годайго оказался удачливее. Поначалу, как только он захотел вернуть себе власть, его также арестовали и отправили в ссылку, но он смог вернуться, уничтожить правительство Камакура и стать подлинно «Наивысшим». Но плохое управление – а особенно награждение придворной знати, а не воинов – практически сразу же вызвало недовольство. Вскоре поднял восстание Асикага Такаудзи (1305–1358), прежде предавший Камакура и примкнувший к дому Годайго. В нескольких сражениях он нанес поражение полководцам Годайго, в том числе и самому способному и преданному, Кусуноки Масасигэ (1294–1336). Он сам назначил императора и заставил Годайго отдать символы императорской власти, «три божественных сокровища»: зеркало, меч и драгоценный камень. В 1338 г. он провозгласил себя сёгуном.

Созданный Такаудзи сёгунат располагался в Киото и просуществовал пятнадцать поколений, вплоть до Ёсиаки (1537–1597). Однако на протяжении всего времени его со-

трясали раздоры и восстания. Причин тому можно выдвинуть три.

Во-первых, Годайго, которого во второй раз не отправили в ссылку, а позволили ему сбежать, собрал собственный двор в Ёсино, в сегодняшней Нара. Этот «южный» двор, сосуществовавший параллельно с «северным» в Киото до 1392 г., сеял смуту внутри и вне сёгуната Асикага и до, и после своего исчезновения. Во-вторых, размещение в Камакура наместника сёгуна в восточной области, называвшейся *Канто кубо*, создавало сходные проблемы: сеяло подозрения и способствовало соперничеству. Наконец, сама организация центральной власти лишь подчеркивала личную безответственность и групповое принятие решений. Подобная система могла бы работать, обладая лидер непоколебимым авторитетом или прочной экономической базой. У сёгунов Асикага зачастую не было ни того, ни другого.

Когда восьмой сёгун Ёсимаса (1435–1490) разошелся со своей женой Хино Томико (1440–1496) по вопросу о выборе наследника, несколько кланов, назначенных исполнять функции наместников сёгуна, восстали. Так началась десятилетняя гражданская война (1467–1477). В войне на стороне и той, и другой группировки участвовали многие наместники провинций и представители влиятельных местных сил, но это было лишь первое очевидное крушение сёгуната Асикага. Укрепив и без того проявлявшуюся местную претенциозность и независимость, эта война привела к еще боль-

шему хаосу – японскому *сэнгоку дзидай*, периоду «Сражающихся царств», когда обладавшие средствами или способностями люди открыто боролись за власть и расширение своих земель.

Более ста лет борьба за местную гегемонию сотрясала Японию. Она сопровождалась невиданной жестокостью. Тем не менее страна была открытой, и в эту эпоху возникали некоторые новшества. Асакура Такакагэ (также Тосикагэ, 1426–1482), мелкий землевладелец-самурай, ставший наместником удела и потому считающийся одним из предвестников периода «Сражающихся царств», составил «домашний кодекс». Вот некоторые статьи этого кодекса:

В семье Асакура не будет должности младшего управляющего. Выбирай людей по способностям и преданности.

Не назначай бездарного человека командующим или посланником только потому, что этот пост передается из поколения в поколение.

Не стремись обязательно обладать мечом, выкованным знаменитым кузнецом. Ибо даже человек с мечом стоимостью в десять тысяч монет не сможет победить сто человек с копьями по сто монет каждое.

Будь добр с храбрым человеком, даже если он уродлив. Также даже робкого можно взять в слуги, если он красив собой.

Если можешь выиграть битву или взять замок, не стоит упускать возможность выбрать благоприятный день или вер-

ное направление. Однако, как бы ни был благоприятен день, едва ли благоразумно выходить на корабле в ураган или бросаться с несколькими воинами на превосходящего врага.

В нашей книге также приводятся похожие, но более «прозаичные» «домашние уроки» Ходзё Соуна (1432–1519). В отличие от Такакагэ, Соун был ронином, который тем не менее смог стать блестящим военачальником.

Самураи при Токугава

Хаос в конце концов заканчивается единением. Хотя в середине XVI в. было около ста пятидесяти влиятельных местных военачальников, многие желали стать во главе их всех. Ода Нобунага (1534–1582) первым серьезно взялся за выполнение этой задачи и достиг заметного успеха.

Когда он был убит, не завершив своего дела до конца, Тоётоми Хидэёси (1536–1598), один из его полководцев, взял бразды правления в свои руки и завершил начатое. Токугава Иэясу (1542–1616), один из пяти уполномоченных Хидэёси после его смерти, воспользовался плодами трудов предшественников, назначив себя сёгуном и основав бакуфу в Эдо, сегодняшнем Токио, в 1603 г.

Основанный Иэясу сёгунат просуществовал четверть тысячелетия и стал самым долгим из трех военных правительств. Система рухнула, когда обострились внутренние экономические противоречия, и изоляционистская полити-

ка, избранная в начале XVII в., уже не могла сопротивляться иностранному проникновению. Тем не менее эпоха отличалась отсутствием военного соперничества. Укрепить мир помогли две административные меры: взятие в больших масштабах заложников и кодификация иерархии и поведения.

Система «взятия в заложники», называвшаяся *санкин ко-тай*, предписывала даймё – землевладельцам с годовым доходом в 10000 коку (или 50000 бушелей риса) и более, а также вассалам Токугава в ранге хатамото, «адъютантов», проводить каждый второй год или половину каждого года в Эдо под прямым надзором властей. Асано Наганори (1667–1701) как раз исполнял свою обязанность пребывания в Эдо, когда совершил поступок, коему суждено было развязать самую знаменитую вендетту в истории Японии. (Можно добавить, напоминая о статусе императорского двора в то время, что инцидент произошёл, когда Наганори являлся членом комитета по приему ежегодного церемониального посольства из Киото.)

Разделение всего населения на четыре сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, и тщательное ранжирование в самом самурайском сословии, сделанное наследным, не всегда насаждалось так уж жестко, как это обычно считается. Торговцы, находившиеся на нижней ступени социальной лестницы, в экономической жизни несколько не зависели от самураев. Внутри самурайского сословия также существовала достаточная степень свободы, что подтвержда-

ет пример Араи Хакусэки (1657–1725): будучи родом из самурайской семьи, служившей мелкому местному землевладельцу, он поднялся до высокого поста советника сёгуната. И все же сословная градация и система наследного ранжирования сковывали социальную мобильность, хотя в равной степени и препятствовали возникновению беспорядков.

Военные действия не велись, гражданская бюрократия крепла, поэтому мирная жизнь заставляла самураев искать оправдание необходимости существования воинского сословия. Ученый-конфуцианец Накаэ Тодзю (1608–1648) был одним из первых, кто попытался дать этому философское обоснование. В своем сочинении «Окина мондо» («Беседы со стариком») два воображаемых человека вступают в сократический диалог:

Кто-то спросил: «Часто говорят, что ученость и военное искусство подобны двум колесам повозки, двум крыльям птицы. Означает ли это, что “ученость” и “ратное дело” различны? Как вы тогда определите “ученость” и “ратное дело”?»

Учитель ответил: «Невежды не понимают “учености” и “ратного дела”. Под “ученостью” они подразумевают умение хорошо составлять стихи на японском и писать строфы на китайском, и быть мягким и утонченным, а под “ратным делом” они подразумевают умение стрелять из лука и править лошадью, знать военное искусство и стратегию и быть грубым и необузданным. Кажется, что это так и есть, но они

глубоко заблуждаются.

По своей природе “ученость” и “ратное дело” – одна добродетель, и они неотделимы друг от друга. Как в создании Неба и Земли участвуют силы инь и ян, так и в человеческой природе, являющей собой одну добродетель, присутствуют “ученое” и “военное” начала. Точно так же, как инь коренится в ян, а ян коренится в инь, искусство “учености” коренится в “военном” искусстве, а “военное” – в “ученом”.

Хорошо управлять народом и должным образом следовать пяти постоянствам¹, беря Небо как основу ткани, а Землю – как уток, – это дело “учености”. Если же появляется тот, кто не боится небесного дао и совершает зло, жестокие и безнравственные поступки и тем самым препятствует исполнению пути “учености”, необходимо наказать его, собрать армию и покорить его, так, чтобы народом можно было управлять в мире. Это – “военное” начало. Поэтому китайский иероглиф *бу* (“у”, военное) состоит из иероглифов *хоко* (“гэ”, копье) и *ямуру* (“чжэн”, исправлять)».

Подобные аргументы, подчеркивающие преимущественно гражданский характер военного правления, были весьма сильны. Они стали краеугольным камнем системы Токугава. Однако этого было недостаточно для самих самураев, и они создали свой собственный кодекс поведения. Веками утвер-

---

¹ Пять постоянств – любовь между отцом и сыном, справедливость между правителем и подданным, уважение между мужем и женой, должное поведение между старшими и младшими и верность между друзьями.

жденная вера, что честь – высшее достоинство самурая и что во имя ее сохранения он должен быть готов умереть, была романтизирована в период Эдо. Так родился постулат, провозглашенный устами Ямамото Цунэтомо (1659–1721): «Я постиг, что Путь самурая – это смерть».

Обезглавливание и вспарывание живота

Два обычая, как правило, привлекают внимание любого, кто знакомится с самурайскими хрониками: обезглавливание и вспарывание живота. Японский обычай отрубать голову воину врага идет от эпохи войн в Древнем Китае, где воин получал повышение по службе на один ранг, если он добывал в сражении голову знатного врага. Выражение *сюкю о агэру* – «взял голову и получил повышение» – происходит оттуда.

Происхождение ритуала вспарывания живота остается неясным. Отдельные случаи этого зафиксированы в Китае и других странах. Любопытно, что самый ранний сохранившийся до нашего времени документ, описывающий вспарывание живота, приписывает его совершение женскому божеству. Объясняя название болота Харасаки («Разрывающая живот»), «Харима но куни фудоки» («Географическое описание провинции Харима»), составленное в начале VIII в., говорит, что «богиня Оми, преследуя своего мужа, добралась до этого места, но вспылала гневом и злостью, разрезала мечом живот и бросилась в болото».

Знали самураи, что первый подобный ритуал совершило женское божество, или нет, но к XI в. обычай уже вошел в практику и должен был служить либо способом проявления отваги, либо способом избежания бесчестия от рук врагов. В XIV в. ритуал широко распространился. Живот также вспарывали, чтобы последовать за господином после его смерти. В XVII в. при Токугава ко вспарыванию живота стали приготавливать самурая, совершившего позорный поступок – так он мог восстановить свою честь.

Вскрытие живота не приводит к немедленной смерти, гибель может оказаться мучительной, грязной и долгой. Одно время существовало правило, предписывавшее вскрывать живот вначале горизонтально, затем вертикально, за чем должен был следовать смертельный удар – в спину или в шею. Говорят, что генерал Ноги Марэсукэ (1849–1912), покончивший с собой в день похорон императора Мэйдзи (1852–1912), исполнил именно эту процедуру.

Пройти все три этапа – это требует невероятной силы духа. Поэтому нередко при самоубийстве присутствовал помощник, *кайсяку* или *кайсякунин*, который должен был отрубить голову в один из двух моментов.

В первом случае кайсяку отрубал голову в тот момент, когда осужденный самурай, уже подготовившись к смерти, наклонялся за коротким мечом или кинжалом, лежащим перед ним на церемониальном подносе. Здесь, как мы видим, вскрытия живота не происходило вовсе. В период Токугава

этот способ получил распространение в самой стилизованной форме, а вместо меча на подносе часто лежал веер.

В другом случае кайсяку ждал, пока человек, которому он должен был помочь умереть, сам пройдет первый или второй этап. Такой путь выбрал для себя самурай по имени Таки Дзэнзабуро 2 марта 1868 г. Его самоубийство подробно описано сэром Эрнестом Мэйсоном Сатоу (1843–1929), секретарем Британской Дипломатической миссии в Эдо:

Мы тихо просидели около десяти минут, как вдруг услышали приближающиеся шаги на веранде. Осужденный, высокий японец благородного вида и осанки, вошел слева в сопровождении кайсяку и еще двух людей, видимо, выполнявших такую же роль. Таки был одет в голубое камисимо из пеньковой ткани; на кайсяку был военный мундир (*дзимбаори*). Проходя перед свидетелями японцами, они пали ниц, а им в ответ поклонились. Затем той же церемонией они обменялись и с нами. Осужденного подвели к помосту перед алтарем, покрытому красной войлочной тканью; совершив два поклона, один на расстоянии, а другой перед самым алтарем, он сел на корточки на возвышении. Он проделал все со спокойной отрешенностью, выбрав то место, откуда будет легче всего упасть вперед. Человек, одетый в черное, поверх которого была накинута легкая серая мантия, принес обернутый бумагой кинжал на простом деревянном подносе, который с поклоном поставил перед осужденным. Тот взял кинжал обеими руками, поднес ко лбу и с покло-

ном положил обратно. Это обычный японский ритуал, выражающий благодарность за подарок. Затем четким голосом, надломленным, но не страхом и чувствами, а скорее отворачиванием к необходимости признаться в поступке, за который стыдно, он заявил, что один несет всю ответственность за то, что 4 февраля отдал жестокий приказ открыть в Кобэ огонь по иностранцам, когда они пытались бежать, и что за совершение этого преступления он собирается вспороть себе живот и просит всех присутствующих быть свидетелями. Затем он вытащил руки из рукавов верхнего платья, длинные концы которых сложил сзади, чтобы не дать телу упасть назад, и остался обнаженным до пояса. Потом он взял в правую руку кинжал, как можно ближе к лезвию, вонзил его глубоко в живот... Мужественно проделав все это, он наклонил тело вперед и вытянул шею, как бы подставляя ее под меч. Кайсяку, сидевший с самого начала ритуала слева от него с обнаженным мечом, внезапно вскочил и нанес последний удар.

Говорят, что писатель Мисима Юкио (1925–1970) использовал такой же прием, но, поскольку он вонзил кинжал слишком глубоко, мышцы напряглись, к тому же он спешил, поэтому кайсяку не смог отрубить ему голову одним ударом, как планировалось.

Самураи и поэзия

Древние классические рассказы о самураях, как и неко-

торые другие японские повествования, полны стихов. Включение в текст стихов – отличительная черта буддийских сочинений, впрочем, китайские историки и писатели тоже любили включать их в ключевые места повествований. Авторы хроник и рассказчики древней Японии были хорошо знакомы и с теми, и с другими и, вполне возможно, позаимствовали у них этот риторический прием. Позднее умение писать стихи стало составной частью образования благородного человека, появился обычай слагать прощальные стихотворения перед смертью. В результате самурай и поэзия стали практически неотделимы друг от друга.

В VII в. – некоторые ученые полагают, что еще раньше – основой японского стихосложения стали строки по 5 и 7 слогов. Поначалу в длинных стихотворениях комбинация 5 и 7 слогов использовалась произвольно, но к IX в. самой распространенной поэтической формой стала *танка*, «короткая песня», ритмический рисунок которой выглядит так: 5–7–5–7–7.

Вскоре после того, как *танка* превратилась в стандарт стихосложения, возникла тенденция «разбивать» ее на два полустишия, 5–7–5 и 7–7. Двое поэтов составляли каждый свое полустишие самостоятельно, затем их «соединяли», часто меняя порядок: вначале 7–7, а затем 5–7–5. Так появилась новая поэтическая форма *рэнга*, «соединенный стих». Позднее два полустишия стали связывать до пятидесяти раз, так возникали целые поэмы из ста частей. Нередко в их написа-

нии принимали участие до десяти человек.

Один из самых простых способов понять стиль рэнга (в минимальной комбинации из двух полустихий) – представить себя и своего друга составляющими подобие детской загадки, но в поэтически изошренной форме: один произносит первую строку, другой быстро говорит вторую. Игра слов при этом весьма существенна. Возьмем один пример.

В «Хэйкэ моногатари» есть рассказ о поэте-самурае Ми-намото-но Ёримаса (1104–1180), который убивает из лука фантастического зверя, спускающегося на черном облаке на крышу императорского дворца и приносящего самому императору кошмарные сны. Император, благодаря Ёримаса за его искусство, дарит ему меч. Беря меч, чтобы вручить его Ёримаса, Левый министр Фудзивара-но Ёринага (1120–1156) идет вниз по ступенькам. В этот момент в небе дважды кукует кукушка, предвестница лета. Министр откликается следующей строкой (5–7–5):

Кукушка кричит над облаками.

Ёримаса, почтительно встав на колени у подножия лестницы, вторит ему (7–7):

И серп луны исчезает.

Если бы стихотворение составил один поэт, это была бы танка, и танка замечательная. Сложенная двумя людьми, она превращается в рэнга, а игра слов, несомненно, украшает ее. В полустихии Ёринага на о *агуру* означает и «звать», и

«упрочить репутацию», а *кумои* — «облака» и «императорский дворец». Таким образом, 5–7–5 строка, внешне кажущаяся спонтанным описанием природного явления, на самом деле является комплиментом Ёримаса, означающим: «Вы, о верный воин, упрочили свою славу перед самим Повелителем».

Точно так же в полустииши Ёримаса *юмихаридзуки*, «луна, изогнутая подобно луку», обозначает луну в любое время между новолунием и полнолунием, но особенно первую или последнюю четверть луны; это также перекликается с «натянутым луком». *Иру* означает и «затемняться», «исчезать», и «стрелять». Поэтому строка 7–7, кажущаяся отвлеченной, на самом деле несет в себе самоуничижительный смысл: «Я лишь натянул лук и выстрелил, ничего более».

Составление длинных рэнга стало в XIV в. страстью многих самураев и, хотя правила становились все сложнее, продолжало пользоваться популярностью и в период «Сражающихся царств». Военачальник Хосокава Фудзитака (позднее Юсай; 1534–1610), ученый и поэт, вспоминал, как его друг, воин и поэт Миёси Тёкэй (1523–1564), участвовал в состязании рэнга:

[Он] сидел бы подобно статуе, положив веер у коленей чуть наискось. Если бы было очень жарко, он бы очень тихо взял веер правой рукой, левой рукой искусно раскрыл бы его на четыре или пять палочек и обмахивался бы им, стараясь не создавать шума. Затем он закрыл бы его, вновь левой ру-

кой, и положил бы обратно. Он исполнил бы все предельно аккуратно, так что веер не отклонился бы от того места, где лежал вначале, даже на ширину одной соломинки татами.

Может показаться забавным, что Тёкэй был одним из самых энергичных военачальников своего времени и многого достиг благодаря этому.

Восхитительное описание Тёкэя сообщает нам об одном важном моменте в классическом японском стихосложении. Рэнга, как групповая игра, возлагала на участников строгие правила соблюдения протокола и этикета. Основной смысл, основное наслаждение игрой – именно в этом чувстве соучастия, соучастия и с другими людьми, и с самой традицией. Насколько мы можем судить по сочинениям, соперничество было вторичным, а если и первичным, то только постольку, поскольку поэт мог уловить традиционные предписания.

Чувство традиции было не менее необходимо и при написании прародительницы рэнга, танка (5–7–5–7–7). Мы приведем три примера.

В седьмом месяце 1183 г., спасаясь от наступающей с востока огромной армии Минамото, клан Тайра покинул столицу и бежал на запад, взяв с собой ребенка-императора Антоку (1178–1185) и оставив после себя пылающий город. Однако один из главнокомандующих войсками Тайра, Таданори (1144–1184) повернул обратно, чтобы нанести прощальный визит своему учителю поэзии, Фудзивара-но Сюдзэю (1114–1204). Согласно «Хэйкэ моногатари», войдя в комна-

ту Сюндзэя, он сказал:

Долгие годы вы, учитель, благосклонно вели меня по пути поэзии, и я всегда считал ее самым важным. Однако последние несколько лет в Киото – волнения, страна разорвана на части, и вот беда коснулась и нашего дома. Поэтому, никоим образом не пренебрегая обучением, я не имел возможности все время приходить к вам. Его величество покинули столицу. Наш клан погибает.

Я слышал, готовится собрание поэзии, и думал, что, если вы проявили бы снисходительность ко мне и включили в него одно мое стихотворение, это было бы величайшей честью всей моей жизни. Но вскоре мир обратился в хаос, и когда я узнал, что работа приостановлена, то очень огорчился. Когда страна успокоится, вам суждено продолжить составление императорского собрания. Если в том свитке, что я принес вам, вы найдете что-нибудь достойное и соблаговолите включить в собрание одно стихотворение, я возрадуюсь в своей могиле и оберегу вас в отдаленном будущем.

Когда он уезжал, он взял с собой свиток, на котором было записано более ста стихов из тех, что он составил за многие годы и которые, он думал, достаточно хороши. Теперь он достал его из-под доспехов и почтительно передал Сюндзэю.

Сюндзэй, лучший знаток поэзии своего времени, во втором месяце того же года действительно получил от удалившегося от дел императора Госиракава указание составить седьмую императорскую антологию японской поэзии. Да-

лее в «Хэйкэ» говорится, что он включил в «Сэндзай сю», антологию, которую он закончил, когда в стране наступил мир, одно стихотворение Таданори, правда, как произведение «неизвестного поэта», ибо Таданори, к тому времени уже погибший, считался врагом императорского дома. Что же это было за стихотворение? Описание жизни воина? Смятения могущественного клана, от которого вдруг отвернулась судьба? Страданий людей, вовлеченных в войну? Нет. Оно гласило:

Сига, столица журчащих волн, опустела,
но вишни в горах остаются прежними.

В 667 г. император Тэндзи (626–671) перенес столицу страны в Оцу, Сига, на западном берегу озера Бива, но через год после его смерти она была оставлена. Ко времени Сюндзэя Сига уже давно стала *ута-макура*, «поэтическим именем», и стихотворение, составленное на заданную тему «Цветы в родном городе», достаточно типично: в нем сочетаются ностальгия по брошенной столице и красота вечных цветов вишни. Можно с уверенностью утверждать, что ни один из ста с лишним стихов, столь тщательно собранных Таданори, не выходил за пределы тем и языка, считавшихся приличествующими для придворной поэзии².

---

² Некоторые тексты «Хэйкэ» приписывают Таданори еще одно стихотворение неизвестного автора в «Сэндзай сю»; если к ним добавить его стихи в более поздних антологиях, где они подписаны его именем, то окажется, что в император-

Другое стихотворение принадлежит Хосокава Фудзитака. Оно, возможно, было его прощальным посланием миру:

В мире, что и ныне неизменный с древних времен,
листья-слова сохраняют семена в человеческом сердце.

Фудзитака написал это в 1600 г., когда его замок был окружен превосходящими силами врага. Он послал стихотворение к императорскому двору вместе со сведениями, которые он знал о «тайном смысле» первой императорской антологии японской поэзии «Кокинсю», составленной в начале X в. К тому времени уже твердо укрепились традиции передачи определенных толкований непонятных слов и фраз, и никто не знал их лучше Фудзитака, хотя он и был воином. Император Гоёдзэй (1571–1617), известный своей ученостью, опечалился, узнав, что такой знаток древней поэзии может погибнуть; он попытался спасти Фудзитака, что ему в конце концов удалось, ибо поначалу Фудзитака отказывался пойти на недостойную воина сдачу в плен.

Стихотворение, хоть и написанное при чрезвычайных обстоятельствах, лишено и намека на военную тематику или на предположение, что оно создано самураем, пойманным в

ские собрания вошло десять (или одиннадцать) его стихотворений – весьма значительное количество. В «Хэйкэ» приводится еще одно стихотворение Таданори, которое, по преданию, нашли в его шлеме после того, как он был обезглавлен. В «Сэндзай» также есть четыре стихотворения трех других неизвестных авторов, принадлежавших к клану Тайра.

ловушку. Наоборот, оно явно перекликается с «Кокинсю», первая фраза *инисиэ мо има мо* указывает на название антологии, ибо *кокин* – это синифицированная форма *инисиэ*, «древние времена», а *има* – «сегодня». Вторая же часть стихотворения прямо соответствует первому предложению предисловия к антологии: «Семена японской поэзии возрастают в человеческом сердце, она обретает форму в бесчисленных листьях-словах».

Еще одна написанная самураем относительно недавно танка вновь подчеркивает важность поэтической традиции. 17 марта 1945 г. генерал-лейтенант Курибаяси Тадамити, командующий японскими войсками в Иводзима, перед тем как броситься в атаку на противника с оставшимися у него восемьюстами солдатами, послал по радио в Генеральный штаб три танка. Вот одна из них:

Враг не разбит, я не погибну в бою,
я буду рожден еще семь раз, чтобы взять в руки алебарду!

Наступление 70000 американских войск на Иводзима началось 16 февраля. В ходе 36-дневных боев из 21000 японских солдат, защищавших остров, в живых осталось не более тысячи. Американцы потеряли 25851 человека, из которых 6821 были убиты, умерли от ран или пропали без вести.

Стихотворение генерала Курибаяси перекликается со словами брата самурая Кусуноки Масасигэ Масасуэ, сказан-

ными перед тем, как оба брата пронзили друг друга мечами: слова выражают надежду на семикратное перерождение, с тем чтобы отомстить за императора, они давно уже стали национальным лозунгом³.

Стоит сказать, что чувства генерала, вкупе с избранной поэтической формой и языком, были безнадежно анахроничны: представьте себе все современное мощное оружие разрушения, использовавшееся в битве, а он говорит о том, чтобы «взять в руки алебарду». Однако несомненно, что Курибаяси, когда писал стихотворение, хотел выразить свое желание соответствовать японской вековой традиции.

Мы должны также упомянуть *канси*, стихи, написанные по-китайски в соответствии с китайской просодией. Мы приведем два хорошо известных стихотворения Ноги Марэсукэ, генерала, который, как уже говорилось, вспорол себе живот в день похорон императора.

Ноги командовал армией во время Японско-Китайской (1894–1895) и Русско-Японской (1904–1905) войн. В обеих войнах он получал приказ атаковать Люйшунь, тогда Порт-Артур. Одно из двух стихотворений было написано им в начале июня 1904 г., когда он во главе III армии шел к Люйшуню через Наньшань, где только что разыгралось большое

---

³ Командующий императорским флотом Хиросэ Такэо (1868–1904) использовал его в нескольких стихах, особенно в двух: превозносящем верность императору и посланном родственникам перед тем, как он принял командование в Люсю в начале Русско-Японской войны, в ходе которой он был убит прямым попаданием артиллерийского снаряда.

сражение, в котором был убит его сын Кацуори.

Горы и реки, трава и деревья вымерли;
На десять миль пахнет кровью недавнего сражения.
Захваченные кони не шелохнутся, и люди не проронят
ни звука.
У замка Цзиньжоу стою я в лучах заходящего солнца.

Ноги не знал, когда писал стихотворение, что вскоре ему суждено дать еще множество жестоких сражений. Хотя в войне с Китаем за десять лет до этого он в один день взял Люсю, чтобы захватить русскую крепость, находящуюся на том же месте, ему потребовалось четыре месяца. Русские и японцы потеряли в боях 145 000 человек, из них 18 000 убитых и 78 000 раненых. Следующее стихотворение Ноги написал в конце 1905 г., перед возвращением со своей армией в Японию:

Армия императора, миллион воинов, победила сильного
врага;
После сражений в поле и осады крепостей остались горы
трупов.
О стыд, как я посмотрю в глаза их отцам и дедам?
Мы торжествуем сегодня, но сколько из них вернется?⁴

---

⁴ Следует сказать, что хотя Ноги закончил войну героем, на последнем этапе осады Порт-Артура его фактически сменил на посту командующего генерал Кодама Гэнтаро (1852–1906), заместитель начальника штаба японских войск в

Перевод

Переводчик древних японских хроник, историй и записей неизбежно сталкивается с несколькими трудностями, которые можно свести к одной проблеме: следует ли сохранять нюансы оригинального текста или игнорировать их ради лучшей читабельности? Мы избрали первый путь, ибо наша цель – воспроизвести оригинальные сочинения, а не пересказать их – если, конечно, сам процесс перевода не является пересказом.

Среди других трудностей – старый обычай несколько раз менять имена на протяжении жизни, как, например, это делали полководцы Такэда Сингэн (1521–1573) и Уэсуги Кэнсин (1530–1578), а также традиция упоминания человека в соответствии с его меняющимся официальным титулом (это особенно характерно в случаях с Минамото-но Куро Ёсичунэ). Если Сингэна и Кэнсина называть по их именам, взятым уже в зрелом возрасте, то это исказит не только оригинальные источники, но и их жизни, в которых перемена имени нередко играла важную роль. Точно так же, называть Ёсичунэ по имени, когда его называют по титулу – значит

Маньчжурии. Это было сделано без лишней огласки и с согласия Ноги, и сразу же после победы Кодама вернулся на свой пост. Уже в следующем году он умер, как говорят, от тревог и усталости, накопленной за годы войны.

упростить неуловимое ощущение развития и перемен и тем самым совершить несправедливость по отношению к замечательному полководцу и тем, кто пытался скрупулезно записывать его деяния.

Кроме того, еще два момента могут показаться трудными для некоторых читателей, хотя они и не связаны непосредственно с переводом, – периодически появляющиеся перечни имен и, в связи с ними, предположение наличия у читателя некоторого знания предмета.

Во-первых, что касается имен: следует помнить, что для воина участие или неучастие в боевых действиях оказывалось важнейшим фактором, определявшим его положение и вознаграждение. Вот почему в древних военных хрониках и повествованиях уделяется первостепенное внимание *сороз*, построению воинов. В западной литературе первый подобный пример можно найти во второй книге «Илиады». Ота Гюити (1527–1610?) в биографии своего бывшего господина Ода Нобунага, перечислив тех, кто точно участвовал в том или ином сражении, имена остальных начинал писать с новой строки.

Во-вторых, перечисляющий имена должен быть уверен, что читающий перечень узнает некоторые из имен и поймет контекст, в котором они появляются, или, по крайней мере, что читатель знаком с главными действующими лицами описываемых событий. Такое допущение со временем теряет свою обоснованность и тем более при переводе на ино-

странный язык. Поэтому, если вас смутят отрывки из «Адзума кагами» («История Востока»), описывающие действия Ёсицунэ, или из «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»), рассказывающие о бесчисленных битвах Сингэна и Кэнсина, мы надеемся, что вы помните: одна из задач «Легенд самураев» – показать разнообразие стилей повествования.

Построение книги

Книга состоит из четырех частей.

Часть первая, «Доблесть самурая», представляет собой большей частью собрание историй о тех, кто преуспел в каком-то военном искусстве. Многие рассказы взяты из «Кондзяку моногатари сю» («Собрание историй минувших времен»), компендиума, составленного в XII в., в который вошли более тысячи версий. Часть I заканчивается рассказом о самурае, написанным в начале XIII в.

Часть вторая, «Сыгранные сражения», – коллекция историй об отличившихся воинах, полководцах и битвах, в которых они участвовали. Спектр взятых источников очень широк: от официальных хроник до возвышенных сочинений в китайском стиле и современных описаний. Часть II заканчивается событиями XVI столетия.

Часть третья, «Путь самурая», представляет взгляды самураев, ими же самими и высказанные, хотя некоторые из

тех, чьи сочинения цитируются, являются все-таки в большей степени учеными, чем самураями. Среди последних – Араи Хакусэки, оставивший незабываемый портрет своего отца, и ученые-конфуцианцы, спорившие по поводу справедливости и несправедливости мести сорока семи ронинов. Часть III доводит историю самураев до первой половины XVIII в.

Часть четвертая, «Современная повесть», состоит из одного-единственного «современного» художественного изложения событий, произошедших в середине XVII в. В центре повествования – самурай, решивший покончить с собой без разрешения господина. Рассказчик – Мори Огаи (1862–1922), весьма образованный человек, дослужившийся в японской императорской армии до поста генерала медицинской службы. Огаи обучался западной медицине и был воспитан в западных ценностях, но когда его друг, генерал Ноги Марэсукэ, покончил с собой, вскрыв себе живот, он решил заново исследовать прошлое Японии, разыскал древние документы и написал ряд исторических сочинений. Помещенный здесь рассказ «Семья Абэ» – его второе произведение. Искренне воссоздающее самурайский дух того времени, оно, мы надеемся, станет подходящим окончанием для «Легенд самураев».

Часть I. Доблесть самурая

Ямато Такэру: Проигравший – Герой

Ивэн Моррис в своей книге «Благородство неудачи: трагические герои в истории Японии» прекрасно описывает Ямато Такэру, Ямато Отважного, как архетип «японской героической параболы». Ямато Такэру – скорее всего мифологический образ, составленный из многих легенд. За первую половину своей жизни он совершил множество подвигов, но умер «мучительной и одинокой» смертью, так и не дождавшись признания и награды. Японская история изобилует подобными героями и неудачниками.

В каждой стране те или иные герои занимают свое, особенное место. В США, например, такие люди, как Джесси Джеймс, Джордж Армстронг Кастер и Роберт Е. Ли всегда почитались и продолжают почитаться, ибо они были отважными героями. Бесконечное восхищение Югом проистекает из того простого факта, что он проиграл в войне, расколовшей нацию надвое. Что несколько отличает Японию от других – так это то, что проигравшие, являются ли они мифологическими персонажами или историческими, всегда вызывали в Японии куда большую симпатию, восхищение и даже преклонение, чем победители. Ямато Такэру выделяется в

ряду таких героев, во-первых, потому, что он самый первый из тех, о ком до нас дошли достаточно подробные сведения, а, во-вторых, потому, что в свое время Ямато, вначале название маленького уголка Нара, стало в Японии символическим именем. (Многим императорским сыновьям и дочерям в мифологический и полумифологический периоды давали имя Ямато, но сам герой затмевает их всех.)

Имя Ямато Такэру появляется в обеих самых ранних официальных историях Японии: полумифологической «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), составленной в 712 г., самой старой из дошедших до наших дней японских книг, и «Нихон сёки» («История Японии»), составленной в 720 г.

Ямато Такэру был одним из многих сыновей двенадцатого императора Кэйко, который, в отличие от своего куда более известного отпрыска, вполне мог быть реальным историческим лицом, жившим в IV в. Его первое имя – Оусу, «Маленькая ступка», и у него был брат по имени Ооусу, «Большая ступка». В «Нихон сёки» сказано: «Принц Ооусу и принц Оусу родились в один день. Рассердившийся император прошептал что-то в ступку. Поэтому он назвал принцев “Большая ступка” и “Маленькая ступка”».

Необычное поведение Кэйко некоторые ученые объясняли народным обычаем: если у жены были тяжелые роды, муж носил вокруг дома массивную ступу. Кэйко, чье официальное имя – Отараси-хико-осиро-вакэ, потому, сообщают нам, шептал что-то в ступу, что второй близнец появлялся на

свет очень тяжело. В любом случае, ребенок сумел «вырасти в десять футов ростом и таким сильным, что мог легко поднять большой ритуальный сосуд из меди», как сообщает «Нихон сёки» с несомненной долей китайской гиперболичности («Нихон сёки» была написана по-китайски, ибо китайский являлся официальным языком в ту эпоху). Преувеличены данные или нет, но о Ямато Такэру говорится тем же языком, что и об императоре, его жены называются императрицами, и, по крайней мере, в одном древнем тексте его самого называют императором.

В «Кодзики», из которой взят наш рассказ, говорится, что Оусу начал свой путь с бесцеремонного убийства собственного брата-близнеца. Из описания его прически можно сделать вывод, что он был еще совсем юным в то время.

* * *

Император сказал принцу Оусу: «Почему это твой старший брат не приходит на утреннюю и вечернюю трапезы? Иди к нему и убеди его прийти».

После этого прошло пять дней, но принц Оусу все еще не показывался. Тогда император спросил принца Оусу: «Почему твой старший брат не появляется так долго? Ты уже говорил с ним?» Принц ответил: «Я уже убедил его». Император спросил: «Как же ты это сделал?»

Принц ответил: «Когда на рассвете он вошел к себе, я под-

стерег его, схватил и задушил. Затем я оторвал ему конечности, завернул в соломенные циновки и выбросил».

Услышав это, император испугался отчаянной смелости и дикого сердца своего сына и сказал ему: «К западу живут двое храбрецов Кумасо. Они непокорны и отказываются подчиниться мне. Иди и убей их».

И он отослал его прочь. В то время волосы у принца еще были собраны на лбу.

Тетя, принцесса Ямато, дала Оусу женское платье. Он положил себе за пазуху кинжал и отправился в путь.

Подойдя к дому храбрецов Кумасо, он увидел, что его окружают три ряда стражников, а в земле вырыты жилища. Воины готовились к пиру, чтобы отпраздновать постройку жилищ, готовили еду и разговаривали. Принц подошел к жилищам и стал ждать, когда начнется пир.

Когда настало время пира, он сделал себе прическу как у девушки и надел женское платье, которое ему дала тетя. Прикинувшись девушкой, он затерялся среди женщин, проскользнул в жилище и сел. Когда храбрецы Кумасо, старший и младший, увидели его, они пришли в восхищение от девичьей красоты, посадили его между собой и веселились.

В разгаре пира принц вытащил свой кинжал, схватил старшего брата за ворот и ударил его в грудь.

Младший брат, увидев это, в ужасе убежал. Принц бросился за ним, поймал его у подножия ступеней и пронзил кинжалом. Тут младший храбрец Кумасо сказал: «Не шеве-

ли кинжалом. Я хочу кое-что сказать».

Принц на минуту отпустил его. Храбрец спросил: «Кто ты?»

Принц сказал: «Я – сын императора Отараси-хико-осиро-вакэ, который, сидя во дворце Хисиро в Макимуку, правит Восемью Великими островами. Зовут меня наследный принц Ямато. Его величество узнали, что вы – двое храбрецов Кумасо – не покорились и не выказываете почтения, поэтому он послал меня убить вас».

Услышав это, младший храбрец Кумасо сказал: «Это так. На западе нет другого храбреца, нет никого отважнее нас двоих. Но в великой стране Ямато есть человек храбрее нас. Могу я дать тебе новое имя? С этих пор ты будешь зваться принц Ямато Такэру».

Как только он сказал, принц убил его, разрезав надвое, как спелую дыню. После этого люди почитали принца, называя его принц Ямато Такэру. Возвращаясь назад, он покорил и усмирил всех божеств гор, рек и проливов.

Когда он вступил в страну Идзумо, он решил убить Идзумо Отважного. Для этого он завязал с ним дружбу. Втайне он сделал из дуба меч и, когда они отправились к реке Хи купаться вместе с Идзумо Отважным, засунул его в ножны, как настоящий. Выйдя из воды первым, он взял меч, который снял и оставил на берегу Идзумо Отважный, и сказал: «Давай поменяемся мечами».

Затем, когда Идзумо Отважный вышел из воды и надел

меч Ямато Такэру, принц бросил ему вызов, сказав: «Давай скрестим наши мечи».

Когда они стали вытаскивать мечи, Идзумо Отважный не смог сделать это. А принц вытащил меч и убил Идзумо Отважного. Затем он спел песню:

Там, где вздымаются облака,
Храбрец Идзумо носит меч,
Много раз обвязанный виноградной лозой,
но без лезвия, какая жалость!

Уничтожив и покорив страну, он вернулся и доложил императору.

Император вновь сказал принцу Ямато Такэру: «Покори и умири всех диких божеств и людей, что не подчинились мне, в двенадцати восточных землях». Он отослал его вместе с Киби-но Оми по имени Мисуки-томо-мими-такэ-хико, который стал вторым командующим, и дал ему длинное копье, сделанное из падуба.

Получив приказание и отправляясь в путь, принц остановился у великой усыпальницы Исэ, вознес молитвы у алтаря богини и сказал своей тете, принцессе Ямато: «Его величество желают, чтобы я был мертв. Ибо зачем ему тогда посылать меня с немногими воинами покорять злых людей двенадцати восточных земель, если я только что вернулся, умирив злых людей запада? Когда я думаю об этом, то убеждаюсь, что он желает моей смерти». Он собрался уходить,

в тревоге и печали, когда принцесса Ямато дала ему Меч, Скашивающий Траву, и мешок, сказав при этом: «Если окажешься в опасности, развяжи веревку и открой мешок».

Достигнув страны Овари, он вошел в дом принцессы Ми-ядзу, прародительницы правителя Овари. Он сразу же решил жениться на ней. Но, решив сделать это на обратном пути, он отправился в восточные земли, где покорил и усмирил всех диких божеств гор и рек, а также людей, которые не подчинялись ему.

Когда он пришел в страну Сагаму, правитель солгал ему: «Посреди этой долины есть большое болото. Божество, живущее в болоте, страшное и непокорное».

Принц отправился в долину, чтобы увидеть божество. Тогда правитель поджег долину. Принц понял, что его обманули, и тогда развязал мешок, который ему дала тетя. В нем он нашел куски кремня. Вначале он скопил мечом траву. Затем ударил кремнем и пустил огонь, который побежал от него. Выйдя из долины, он зарубил правителя и его людей и сжег их тела. Поэтому место теперь называется Яидзу, «Горящая Река».

Когда он покинул страну и попытался пересечь море, называющееся Бегущие волны, божество пролива подняло волны и стало бросать его корабль во все стороны, так что принц не мог никуда плыть. Увидев это, его императрица⁵, Отота-

---

⁵ Неожиданное появление жены Ямато Такэру позволяет предположить, что рассказ составлен из разных легенд.

тибана, сказала: «Я отправлюсь в море вместо вас. Вы, господин, должны завершить возложенное на вас дело и доложить его величеству».

Затем она бросила на воду восемь циновок из тростника, восемь из кожи и восемь из шелка, сошла вниз и села на них. Огромные волны исчезли, и корабль принца мог плыть вперед. Императрица запела:

Пламя сжигает долину Сагаму, там,
где рядом вздымаются холмы.
Стоя среди них, ты спросил обо мне!

Семь дней спустя волны вынесли ее гребень на берег. Его нашли, построили усыпальницу и положили в нее гребень.

Покинув страну, принц покори́л всех диких *эмиси*⁶ и усмирил злых божеств гор и рек. Возвращаясь назад, он проходил мимо склона, ведущего к горе Асигара. Он ел сухой рис, когда божество горы обратилось в белого оленя и предстало перед ним. Принц схватил один конец растения хиру, которое он не доел, и ударил им оленя. Он попал ему прямо в глаз и убил его. Затем он по склону взобрался на вершину и, стоя на ней, трижды тяжело вздохнул и сказал: «О, моя жена!» Поэтому страну называли Адзума, «Моя жена».

Он пешком пересек страну и вышел из нее прямо к Каи. Во дворце Сакаори он запел:

---

⁶ Предполагается, что речь идет об айну.

Проходя Ниибари и Цукуба,
сколько ночей не спал?

Старый факельщик продолжил его песню:

Добавьте дни, и ночей будет девять,
а дней будет десять⁷.

Покинув эту страну и прибыв в страну Синано, принц быстро покори́л божество скло́на Синано и верну́лся в страну Овари, где остался у принцессы Миядзу, которой он прежде дал обещание. Принцесса созвала для него большой пир и поднесла ему большую чашу сакэ. Когда принц увидел пятно месячных на кайме ее платья, он запел:

Над бескрайней небесной горой Кагу,
Выгнув шеи, подобно серпу, летят лебеди.
На вашу руку, тонкую и нежную,
Я хотел положить свою голову.
Я думал спать вместе с вами,
Но на кайме платья, что вы надели,
Взошла луна.

Принцесса Миядзу ответила песней:

---

⁷ Песня в стиле *сэдока*, «повторяющаяся песня», ибо составлена из двух «полустиший» *катаута* (5–7–7 слогов каждое). Согласно традиции, этот дуэт положил начало поэтической форме рэнга.

Наш принц подобен солнцу,
сияющему в вышине.
Наш господин побывал в восьми
частях света,
Пока год сменял год, а месяц
сменял месяц.
Господин, господин, я не могу
ждать вас более,
И на кайме платья, что надела,
Уже возшла луна.

Он взял ее в жены и, оставив ей Меч, Скашивающий Траву, отправился, чтобы убить божество горы Ибуки.

Там он сказал: «Я возьму божество злой горы голыми руками, лицом к лицу». Карабкаясь на гору, он столкнулся с белым кабаном, размером с буйвола. Увидев его, он произнес запретные слова: «Это существо в облике белого кабана, должно быть, посланец божества. Я не буду убивать его сейчас, я сделаю это, когда буду возвращаться». Затем он вновь стал карабкаться вверх. Увидев это, божество наслало сильный дождь, чтобы испугать принца Ямато Такэру. Он отправился назад. Добравшись до Симидзу, «Чистой воды», в Тамакурабэ, он отдохнул и постепенно пришел в себя. Поэтому чистая вода в тех местах была названа и до сих пор зовется Исамэ-но Симидзу, «Чистой водой, где он пришел в себя».

Когда принц покинул то место и проходил мимо Тагино,

он сказал: «Я всегда думал, что могу летать по небу. Но сейчас я едва могу идти, еле передвигаю ноги». Поэтому место было названо и до сих пор зовется Таги, «Ковыляние».

Пройдя еще немног о, он совсем ослаб и медленно двигался, опираясь на палку. Поэтому место было названо и до сих пор зовется Цуэцуки-дзака, «Опора на палку».

Когда он дошел до одинокой сосны на мысе Оцу, то нашел меч, забытый им во время трапезы, когда он еще шел вперед. Увидев его, он запел:

Обратившись прямо к Овари,
Одинокая сосна стоит на мысе Оцу,
о брат!
Одинокая сосна, если бы ты была
человеком,
Я бы хотел, чтобы ты носила меч,
носила платье,
Одинокая сосна, о брат!

Покинув то место и придя в деревню Миэ, он опять сказал: «Мои ноги согнулись втрое, как я устал». Поэтому место было названо и до сих пор зовется Миэ, «Трижды». Когда принц покинул то место и достиг Нобоно, он затосковал по своей родине и запел:

Ямато известна повсюду
Среди голубых изгородей, Окруженных

горами, Ямато прекрасна.

Затем он снова запел:

Те из вас, в ком полнится жизнь,
Носите в волосах большие листья дуба
С горы Хэгури, устланной циновками!

Это – песня тоски по родным местам. И снова он запел:
«Как красиво! С той стороны, где мой дом, поднимаются облака!» Это *катаута*, «полупесня». Тут его вдруг настигла болезнь. Он запел:

Меч, что оставил я
У ложа моей девы,
Тот меч!

Он спел и умер. Весть послали императору с нарочным всадником. Жены принца и дети, что оставались в Ямато, прибыли к нему и построили усыпальницу. Они ползали по рисовому полю и, причитая, пели:

Среди рисовых стеблей на залитых
водой полях,
Среди рисовых стеблей вьется плющ
дикого батата.

Тут принц превратился в большую белую птицу, взмыл в

небо и полетел к берегу. Его жены и дети побежали вслед за ним, раня ноги о срезанные стебли бамбука. Но, рыдая, они забывали о боли. Они пели:

Стебли бамбука достают нам до пояса.
Мы не можем лететь, но ноги наши бегут.

Затем они вошли в море и, еле двигаясь, запели:

Морские волны нам по пояс
Как водоросли в большой реке.
Не можем двинуться морем ни вперед,
ни назад.

Когда же птица вернулась и спустилась на берег передохнуть, они запели:

Береговые птицы летают не над морем,
а вдоль берега.

Эти четыре песни они пели на похоронах принца. Поэтому с тех пор их поют при погребении каждого императора⁸.

---

⁸ Эти песни действительно до недавнего времени исполнялись при погребении императора. Последний случай – похороны императора Мэйдзи (1852–1912). Смысл же этих, как и ряда других стихов в этой легенде, неясен.

Ёродзу: «Я хотел показать свою храбрость»

Год 587. Власть при дворе уже в течение нескольких лет оспаривают две влиятельные семьи – Сога и Мононобэ. Умако, глава Сога, носит титул *о-ами*, «главного управляющего» и держит в руках всю придворную администрацию; Мория, глава Мононобэ, носит титул *омурадзи*, «великого главы кланов», являясь официально утвержденным императорским эдиктом «представителем» всех кланов при дворе. Оба пользуются примерно равной властью и влиянием. Естественно, что каждый пытается обойти другого. Очевидный и традиционный способ взять в свои руки все бразды правления – возвести на престол «своего» человека из императорской семьи. В четвертом месяце 587 г. умирает тридцать первый император Ёмэй, и сразу же после его смерти начинаются интриги. Мононобэ пытается возвести на престол принца по имени Анахобэ. О заговоре становится известно, и Умако немедленно расправляется с Анахобэ и его братом Якабэ. Семья Мононобэ, как свидетельствует фамилия, – «военный отряд», – является военным кланом, а также контролирует полицию. Однако, когда дело доходит до серьезного столкновения, ее власть над другими кланами оказывается недостаточной. Не получив поддержки от тех, на кого она рассчитывала, семья Мононобэ погибает за несколько дней. В вось-

мом месяце на трон как тридцать второй император Сусюн восходит принц Хацусэбэ, поддерживавший в ходе вооруженного столкновения Сога. Пять лет спустя Сога-но Умако, узнав, что император обижен на него, подсылает к нему убийцу, который погибает, как и император. История Ёродзу содержится в разделе о царствовании Сусюна в «Нихон сёки».

Слуга «великого главы кланов» Мононобэ-но Мория, Ёродзу из отряда ловцов птиц вместе со ста воинами охранял дом своего хозяина в Нанива. Услышав, что «великий глава» потерпел поражение, он вскочил на коня и всю ночь мчался к деревне Аримака в Тину. Он проехал мимо дома жены и спрятался на окрестном холме.

Императорский двор обсудил это дело и постановил:

«Ёродзу замышляет восстание. Поэтому он спрятался на холме. Немедленно уничтожить его родственников. В случае провала прощения не будет».

Ёродзу вышел один, одежда его была грязной и разорванной, а сам он выглядел истощенным, но держал в руках лук и меч. Командующий послал несколько сотен воинов, которые окружили Ёродзу. Встревоженный, Ёродзу спрятался в бамбуковых зарослях. Он привязал к стеблям бамбука веревки и, дергая за них, обманул воинов. Воины бросились вперед, туда, где качался бамбук, с криками: «Ёродзу там!» Ёродзу начал стрелять в них. Ни одна стрела не прошла мимо цели. Воины были испуганы и не осмеливались приблизиться

к нему.

Затем Ёродзу отвязал от лука тетиву и с луком под мышкой побежал по направлению к холму. Воины стреляли в него через реку, но ни одна стрела не попала в цель. Потом один воин обогнал Ёродзу, притаился у реки, положил на лук стрелу и выстрелил. Стрела попала Ёродзу в колено. Он вытащил ее. Он вновь привязал тетиву к луку и начал стрелять. Затем лег на землю и закричал: «Я всегда защищал императора и хотел показать свою храбрость, государь никогда не просил меня поступать так. Теперь я окружен. Пусть выйдет тот, кто может говорить со мной! Я должен знать, намереваетесь вы убить или захватить меня».

Потом воины стали состязаться в стрельбе в Ёродзу. Ёродзу отбивал летящие стрелы и за короткое время убил более тридцати человек. Затем он разрубил мечом свой лук на три части, согнул меч и бросил его в реку. Потом он пронзил себе горло кинжалом и умер.

Губернатор Каути подал императорскому двору доклад о том, как умер Ёродзу. Двор издал указ:

«Разрубить тело этого человека на восемь частей, насадить куски тела на копья и установить их в восьми провинциях».

Когда, исполняя приказ, губернатор Каути попытался разрубить тело на части и насадить на копья, раздались звуки грома и с неба хлынули потоки дождя.

У Ёродзу была белая собака. Она бегала около разрублен-

ного тела хозяина взад и вперед и выла. Наконец, она схватила голову хозяина и положила ее в могилу. Затем осталась у изголовья могилы и лежала, пока не умерла от голода.

Губернатор Каути узнал о собаке и, озадаченный, отправил доклад ко двору. Двор выразил сожаление и издал сочувственный эдикт, в котором говорилось:

«Собака исполнила то, о чем мы редко слышим в мире. Пусть она будет примером для будущего. Позволить родственникам Ёродзу похоронить его и воздвигнуть гробницу».

Родственники Ёродзу воздвигли две гробницы около деревни Аримака и похоронили рядом его и собаку.

Отомо-но Якамоти: Умереть за нашего господина

Семья Отомо известна как один из древних военных кланов, хотя самые выдающиеся ее представители знакомы нам скорее только как поэты. Якамоти (716?–785) – последняя яркая звезда в уже клонящейся к упадку знатной семье. Он сегодня считается одним из лучших поэтов раннего периода и, возможно, был редактором великой поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), составленной во второй половине VIII в. При этом, благодаря своему происхождению, он занимал несколько военных постов, дослужившись до *дзисэцу сэйто сёгун*, «главнокомандующего покорением восточных земель». Повседневной обязанностью клана была охрана императорского дворца.

Как и большинство поэтов «Манъёсю», Якамоти писал лирические стихи. Однако, быть может, потому, что его стихотворений включено в антологию больше, чем сочинений какого-либо другого автора, его поэзия представляет весьма широкий спектр тем и вариаций. В одном необычном стихотворении (№ 4049) говорится о том, что клан Отомо выражает решимость сохранить верность трону. Поводом для его написания послужило издание в первый день четвертого месяца 749 г. императорского постановления о первой находке в Японии золота. Новость удостоилась публичного одоб-

рения императора потому, что на отливку статуи Великого Будды в Нара, начавшуюся за два года до этого, требовалось очень много меди и золота.

Пожалуй, что Якамоти подвигло на создание этого стихотворения не столько открытие золота, сколько желание напомнить об образцовой верности императору своего клана и близкого клана Саэки. В указе, установленном перед строящейся гигантской статуей Будды, были приведены слова из одного из традиционных публичных обетов Отомо, начинающегося фразой «Отправляясь в плавание». Якамоти включил ее вместе с еще двумя цитатами в свое стихотворение с незначительными изменениями. Эта клятва, измененная Якамоти, в 1880 г. была положена на музыку и стала церемониальной песней японского императорского флота.

Стихотворение написано в стиле тёка («длинная песня»). В ней модель 5–7 слогов повторяется три или более раз и заканчивается обычно, как и в данном случае, 7-сложной фразой. За тёка, как правило, следуют одна или более заключительных строф танка. Якамоти назвал свое стихотворение так: «Отмечая императорский указ об открытии в Митиноку золота».

* * *

В той стране, где хороши

Тростниковые поля,
Где колосья счастья есть,
Там, спустившись вниз с небес,
Управлять стал на земле
Внук богов.

И вслед за ним
Много тысяч лет подряд
Государей длинный ряд
Власть приняв от божества —
Солнца в ясных небесах,
Долго правил на земле,
Век за веком без конца...
И в чудесной той стране,
В четырех ее концах,
Широки теченья рек,
Глубоки ущелья гор.
И богатств, что в дань несут
Государю своему,
Невозможно людям счесть
И нельзя их исчерпать.
Но при всем богатстве том
Удручен заботой был
Наш великий государь.
Всех людей к себе призвав,
Начал он в своей стране
Добрые дела вершить,
Но тревожился в душе
И мечтал: «Как хорошо
Золото бы нам найти!»

И как раз ему тогда
Доложили во дворце,
Что в восточной стороне,
Там, где много певчих птиц,
В Митиноку, в Ода, вдруг
Золото нашли в горах.
И прошла его печаль,
Стало на сердце светло.
«Боги неба и земли
Вняли, знать, моей мольбе.
Повелители земли —
Души предков – помогли.
То, что в давние века
Скрыто было от людей,
Обнаружили в земле
В век правленья моего», —
Клялся род Отомо так:
«Если морем мы уйдем,
Пусть поглотит море нас,
Если мы горой уйдем,
Пусть трава покроет нас.
О великий государь,
Мы умрем у ног твоих.
Не оглянемся назад».
И в стране те имена
Рыцарей былых времен
С древних пор
До сей поры
Славу светлую хранят,

О которой говорят
И другим передают
Без конца
Из века в век.
Мы же дети тех отцов,
Славу их должны беречь.
Славный род Отомо наш,
Древний род Саэки наш
Службу важную несли.
И из века в век наказ
Был один навеки дан:
«Имя славное отцов
Берегите, сыновья,
И служите, как и мы,
Государю своему».
Так передавался нам
Каждый раз из века в век
Предков доблестный наказ.
Славный ясеновый лук
В руки мы свои возьмем,
Бранный острый славный меч
К бедрам прикрепим своим.
Утром будем сторожить,
Будем вечером стоять
Мы на страже во дворце —
Государя охранять.
Больше нет таких людей
Кроме нас,
Кто охранять

Сможет преданно,
Как мы.
Вход священный во дворец! —
Восклицаю нынче я,
Полный радости, узнав
Весть счастливую для нас,
Что в указе объявил
Нам великий государь,
И почтенья полон я.

[Перевод А. Е. Глускиной]

Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми: Поединок

Сражения в любую эпоху и в любой стране безжалостны. В древности в Японии, как и в прочих странах, существовал идеализированный ритуал, когда полководцы противостоящих друг другу армий решали исход сражения в личном поединке. Представленный ниже рассказ является самым старым из известных в Японии полных описаний подобных поединков. Он взят из «Кондзяку моногатари сю» («Собрание новых и старых историй»), т. 25, разд. 3.

Точные даты рождения и смерти двух героев неизвестны. Однако мы знаем, что Тайра-но Ёсифуми был племянником Масакадо (ум. 940), мятежника, поднявшего восстание и провозгласившего себя императором.

В коротком, но восхитительном рассказе, описывающем обмен посланцами перед битвой, есть один пробел. В оригинале утрачен кусок текста, и это не позволяет нам судить о том, что посланники сделали или не сделали с лошадьми. Я склоняюсь к тому, что они не пустили лошадей галопом, а не что они вообще были пешими.

В восточных землях когда-то жили двое воинов, Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми. Мицуру был известен как Минота-но Гэнни, а Ёсифуми – как Мураока-но Горо.

Оба они преуспели в бусидо. Но чем совершеннее становились они, тем более ненавидели друг друга. Это произошло потому, что злые языки передавали одному из них то, что сказал о нем другой. Так, кто-то сообщал Ёсифуми: «Господин, Мицуру говорил о вас: “Он не может вызвать меня на поединок, но перечит мне во всем. Это отвратительно”».

Услышав это, Ёсифуми отвечал: «Как он смеет говорить так? Я знаю все о его слабостях, о его мыслях. Я говорю ему: “Если вы на самом деле так думаете обо мне, выходите сражаться со мной в любом удобном месте”». И эти слова обязательно передавали Мицуру.

Поэтому, хотя оба воина были отважны и мудры, они, в конце концов, разгневались, ибо люди продолжали науськивать их, и отправили друг другу послание:

«Мы больше не можем говорить так друг о друге. Мы выберем день, найдем удобное место и сразимся, чтобы увидеть, кто лучше». Обменявшись письмами, они выбрали поле сражения и установили день, после чего обе армии начали готовиться к битве.

Когда назначенный день настал, армии собрались утром в условленном месте. В каждой из них насчитывалось 500–600 воинов, и каждый воин был готов отдать все свои силы и жизнь. Обе стороны стояли в ста ярдах друг от друга, выставив вдоль переднего края щиты.

Вскоре каждая сторона отправила воина с письмом, официально объявляющим войну. Как только воин возвращался в свой лагерь, противник, как установлено правилами, посылал ему вслед стрелы. Не нестись в этот момент, не уклоняться и не оглядываться, но спокойно возвращаться в свой строй считалось признаком отваги.

После этого обе армии подняли щиты и начали готовиться к стрельбе, когда Ёсифуми сказал Мицуру: «В сегодняшнем сражении не имеет смысла, чтобы наши воины стреляли друг в друга. Ведь вы и я хотели узнать, что каждый из нас может показать другому, не так ли? Если так, нет необходимости затевать стрельбу между вашими и моими воинами. Лучше каждому из нас выйти из ряда и выстрелить, показывая свое искусство. Что вы думаете?»

Услышав предложение, Мицуру ответил так: «Именно этого я и желал. Я немедленно выхожу».

Затем он выехал на коне из-за щитов и встал, положив на лук стрелу с раздвоенным наконечником.

Ёсифуми был доволен таким ответом и сказал своим воинам: «Я хочу состязаться в стрельбе из лука с ним одним, используя все свое мастерство. Оставьте дело мне и наблю-

дайте. Если я погибну, заберите мое тело и похороните».

Затем он один выехал на лошади из-за щитов. Оба воина поскакали навстречу друг другу, держа наготове луки, и сделали первый выстрел. Надеясь поразить врага второй стрелой, каждый натянул тетиву и выстрелил в тот момент, когда они мчались мимо друг друга. Проехав, они повернули лошадей и поскакали обратно.

И снова каждый натянул тетиву, хотя в этот раз они мчались навстречу, не стреляя. Проехав мимо друг друга, они вновь повернули коней и поскакали назад. Опять они натянули тетиву и прицелились. Ёсифуми прицелился в центр тела Мицуру и выстрелил. Но Мицуру, уклоняясь от выстрела, резко наклонился в сторону, почти упав с лошади, и стрела попала в рукоять меча.

Мицуру вновь сел в седло и выстрелил в центр тела Ёсифуми, но Ёсифуми увернулся, и стрела попала в пояс, на котором висел меч.

Когда воины вновь помчались навстречу друг другу, Ёсифуми закричал Мицуру: «Мы оба стреляем в центр тела. Теперь мы знаем, что можем показать друг другу, и это не так плохо. Вы знаете, что мы не старые враги, и потому давайте остановимся. Мы просто хотели бросить вызов друг другу. Мы не хотели убивать друг друга, не так ли?»

«Я согласен, – сказал Мицуру. – Мы увидели, что у нас есть, что показать друг другу. Остановиться сейчас будет правильно. Я уведу своих воинов».

И каждый из них увел свою армию.

Воинов охватил ужас, когда их хозяева мчались навстречу друг другу и стреляли из лука, и каждый из них думал: сейчас его убьют! Сейчас его убьют! Поистине, смотреть, как сражаются их хозяева, им было тяжелее, чем самим стрелять друг в друга. Поэтому развязка поначалу озадачила их, но потом они возликовали.

Таким путем следовали воины древности. После поединка Мицуру и Ёсифуми стали близкими друзьями и, не колеблясь ни мгновения, говорили друг с другом обо всем.

Минамото-но Мицунака: Обращение воина

Чувство вины за убийство птиц и зверей (но отнюдь не людей) совсем не обязательно обусловлено буддизмом, который появился в Японии в VI в. Тем не менее буддизм оказал воздействие на тех, кто, ощущая такую вину, отказывался от мирской жизни. В следующем эпизоде, взятом из «Кондзяку моногатари сю» (т. 19, разд. 4), обращение в буддизм воина Минамото-но Мицунака (913–997) описано с очаровательной насмешкой. Мицунака, достигший высокого положения и известный также как Тада-но Мандзю (китаизированное произношение его имени), жил в Тада, провинция Сэтцу. В некоторых официальных летописях он упоминается также и как поэт, и действительно, его стихотворение включено в третью императорскую антологию «Сюи сю» (№ 334). Оно представляет собой ответ на стихотворение Киёвара-но Мотосукэ (908–990) по поводу отбытия последнего к месту службы – на должность губернатора провинции Хиго. Первые строки:

Сколько, как считаете, буду думать о вас
Когда мы, старики, уезжаем друг от друга?

Ответ гласил:

Вы правы, вам отправляться в дорогу,
А я остаюсь здесь ждать, как долго —
не знаю.

Среди тех, кто упомянут в рассказе, — Энью-ин, шестьдесят четвертый император Энью (959–991). Мидзуно — пятьдесят шестой император Сэйва (850–880), шесть сыновей которого положили начало шести семьям Минамото (в китайском прочтении — Гэндзи). Одна из линий, начавшаяся с принца Садасуми, превратилась в славный военный клан, ибо его сын Цунэмото (917–961) стал главнокомандующим. По этой генеалогии Минамото традиционно называли Сэйва Гэндзи.

Монах Гэнкэн (977–1020), третий сын Мицунака, поначалу был известным воином-монахом, но стал набожным буддистом. Он также писал стихи и оставил после себя пятьдесят одно стихотворение.

* * *

В правление Энью-ина жил человек по имени Минамото-но Мицунака, занимавший пост Начальника Левых императорских конюшен. Сын губернатора Тикудзэн Цунэмото, он был несравненным воином, поэтому двор относился к нему с почтением, а знать, министры и высокие чины жаж-

дали заполучить его на службу. Потомок императора Мидзуно, он был знатного происхождения. После долгих лет службы при дворе Мицунака достиг огромного влияния и заслуг, сравнимых лишь с теми, кто занимал должность губернатора в различных провинциях. В конце концов он стал губернатором Сэтцу. К старости он построил себе дом в Тада, что в Тэсима, в этой же провинции, где и жил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.